

Мария Ивановна Ляшук

Воспоминания сквозь слёзы

Прошло уже немало времени, а разум противится принять эту потерю. Противится жестокой реальности, в которой уже нет этой удивительной женщины. Она теперь там, где тихо и спокойно, где её душа рядом с душой её горячо любимой мамочки, в райских садах. Ибо всей своей жизнью на Земле они заслужили у Всевышнего такой благодати.

Свято и бережно хранит память о них дорогой обеим человек — сын и брат Василий Иванович Локун. Он, его мама Ева Александровна и сестра Валентина Ивановна, составляли единое, вернее, триединое целое. Говорить только о ком-то одном из них будет не совсем правильно, однобоко, ибо настолько крепкой была связь между матерью и детьми, между братом и сестрой, что рвать её можно только по-живому. Делать это не могу, не имею права, а потому буду говорить о каждом из семьи Локун.

Еву Александровну помню с тех самых пор, как стала работать на радио ПТО «Полесье», на тот момент одном из самых мощных предприятий лёгкой промышленности не только Беларуси, но и Европы. В пятиэтажном административном здании среди множества основных и подсобных помещений нашлось место и буфету, где можно было пообедать недорого и сытно. Еду привозили из столовых находящихся рядом фабрик. Она недолго оставалась тёплой, а желающих принять пищу всегда было немало. Выход из ситуации нашла помощница официантки Ева Александровна, всегда чистенько одетая, аккуратная, вежливая и простая в общении: нужно было ёмкость с пищей поместить в другую ёмкость с горячей водой. И всё, нужная температура еды обеспечена.

Услугами буфета приходилось пользоваться и мне. В одно из таких посещений я и познакомилась с Евой Александровной Локун. Поразили удивительная доброжелательность и простота. А ещё — приветливые глаза, как мне тогда казалось, всегда наполненные слезами. Когда находилось свободное время, мы беседовали. Из разговоров, доверительных и искренних, я многое узнала о семье Локун. Своими впечатлениями от услышанного поделилась на страницах многотиражной газеты «Трудовая доблесть». По молодости не учла мнения всех членов семьи. Мне казалось, что материал получился трогательным: ведь подробности не должны были оставить читателей равнодушными. Однако звонок, раздавшийся через несколько дней после публикации, протрезвил меня. Приятный по тембру, но строгий по интонации голос на том конце провода требовал больше не писать статей в таком тоне об их семье. Как потом я узнала, это звонила Валентина Ивановна. Вскоре мы познакомились (по моей просьбе) ближе и наши отношения стали приятельскими. К сожалению, в те 80-е годы прошлого столетия не так часто доводилось с ней общаться. Это стало возможным и необходимым в начале девяностых, когда я начала работать в городской газете «Пінскі веснік». Более обширное, чем на ПТО «Полесье», поле творческой деятельности, широкий круг знакомств с неординарными и обычными людьми помогли мне взрослеть и объективно смотреть на происходящее вокруг. И оказалось, что мир неоднозначен, разносторонен, и тёмных полос в нём не меньше, чем светлых. И люди в этом мире тоже разные.

Валентина Ивановна Локун среди них была особенной — и внешне, и внутренне. Красивая, всегда с аккуратной стрижкой, ухоженная — глаз не отвести. А в разговоре впечатляли её образованность, интеллект, умение слушать и слышать собеседника.

Прежде чем впервые переступить порог просторной квартиры № 6 в доме по улице Первомайской, чтобы лично познакомиться с его хозяевами, неоднократно читала о них в прессе. А потом и сама множество раз писала о событиях, связанных с семьёй Локун. Крепла и наша дружба.

Правда, больше всего я общалась с Валентиной Ивановной, с которой было много общих интересов, тем для обсуждения, много общих знакомых. Наше общение

затягивалось на часы, хотя свободного времени из-за моей занятости на работе и дома было в обрез.

Я до сих пор признательна этой замечательной женщине за настоятельное требование продолжать мои литературные труды, которые уже на тот момент приобретали популярность у читателей. Это именно Валентина Ивановна настояла на том, чтобы я хотя бы несколько своих новелл послала в журнал «Нёман» и газету «Літаратура і мастацтва», где вскоре они и в самом деле были напечатаны. Это придало мне ещё больше сил и уверенности.

А Валентина Ивановна опять продолжала настаивать, но уже в другом направлении — собирать написанное мною под одну обложку и готовить к изданию свою книгу. «Других авторов вычитываете и редактируете, а о своём творчестве и не думаете», — добродушно упрекала она меня. Я находила тысячи отговорок, а Валентина Ивановна настаивала на своём и настояла! Она и предисловие написала к моей первой книге «Благословенные небом», и радовалась вместе со мной её выходу.

Написала Валентина Ивановна предисловие и к моей второй книге «Обречённые на счастье», которая на сегодня пока не издана. Но ещё больше горечи из-за того, что нет с нами самой Валентины Ивановны. Встречи с ней были настолько необходимыми, что становилось неуютно, если промежуток между ними по той или иной причине удлинялся.

Встречи в семье Локун были «по причине» или без причин. Обычно Валентина Ивановна переезжала из своей комнаты через коридор в комнату Василия Ивановича, где на своём диване отдыхала и их мама Ева Александровна. Разговор на самые разные темы вёлся непринуждённо и откровенно. Участники его были уверены, что озвученные здесь личные секреты не выйдут за порог этой квартиры. Обязательно присутствовало чаепитие со вкусными печенюшками или пирожными.

По большим праздникам или юбилеям перебирались в зал, в котором собиралось до двадцати человек. В этой семье умели принимать гостей, а друзей, приятелей — особенно. И что очень важно, многие друзья семьи Локун, люди самые разные по характеру, возрасту, роду занятий, становились друзьями между собой. Каждый из них помогал этой семье, чем мог.

Помочь Валентине Ивановне и её семье — особая честь. Наверное, поэтому я отстояла интерес семьи Локун, когда встал вопрос замены старых балконных окон, через которые дул ветер в холодное время года, продувая насквозь и комнаты, где находились обитатели квартиры.

Председатель Пинского горисполкома А. В. Мулярчик внимательно выслушал мои доводы и помог решить проблему семьи.

Помогая им, я таким образом тоже благодарилась за помощь мне с их стороны, духовную помощь, моральную поддержку, верную дружбу. Да, не раз приходилось и плакаться, и совета спрашивать. И всегда уходила из этого дома с лёгким сердцем.

После смерти мамы Валентина Ивановна и Василий Иванович не остались одни. По-прежнему приходили люди, оказывали им посильную помощь. Об этом всегда просила приходящих в их дом Ева Александровна. Она понимала, как непросто будет без неё её дочери и сыну. Повторюсь, она для них была не просто мамой, она была частью каждого из них. Увы, жизнь — непростая штука. И мы не вечны в ней.

После ухода Евы Александровны Валентина Ивановна как-то заметно сдала. Она часто грустила, не так активно трудилась над очередными литературными заказами и чувствовала себя не так стабильно, как раньше. Зная лично многих врачей, я договорилась об её обследовании. По договорённости с управлением соцзащиты горисполкома, в городские медучреждения добирались спецбусиком. Специалисты-медики приезжали и домой, чтобы проведя обследования сделать свои выводы. Выводы были оптимистичными, а Валентине Ивановне становилось всё хуже и хуже. По крайней мере, она настоятельно это утверждала. Решили пригласить к ней психотерапевта, чтобы

выписал успокоительные и расслабляющие таблетки. Врач появилась буквально на следующий день.

Надо сказать, что в эти дни, недели и даже месяцы я бывала в семье Локун почти ежедневно. В тот раз, когда пришла врач, я была в комнате Валентины Ивановны и решила оставить их наедине. Однако хозяйка квартиры попросила поприсутствовать при разговоре. Я согласилась и услышала своеобразную исповедь. Валентина Ивановна говорила о себе, о своих чувствах, ощущениях, взглядах, о своей семье, своём самочувствии. Когда врач в итоге предложила пригласить священника для исповеди, она не ответила ничего. Я знала особое отношение Валентины Ивановны и Василия Ивановича к религии, поэтому и не удивилась такому вот молчаливому ответу.

Врач ушла. Нужно было бежать и мне. Но какая-то тревога не уходила из сердца. Мы договорились о встрече на следующий день. Валентина Ивановна кивнула в знак согласия. На моё предложение закончить незавершённый материал лишь махнула рукой.

Ранний утренний звонок был тревожен, как и голос соцработниц: Валентине Ивановне становится всё хуже и хуже. Одевшись наспех, минут через семь была уже в квартире Локун. Срочно вызвали «скорую». Но они не успели: на наших глазах Валентина Ивановна ушла в Вечность.

Никто не хотел верить случившемуся. Проводить в последний путь пришло очень много людей, а она среди моря цветов лежала словно живая, с умиротворением на лице. Наряд на ней был тот, который она собрала задолго до своего ухода. Каждая его деталь была продумана ею же. Даже серебряное колечко было выбрано из нескольких привезённых на выбор из магазина.

Осиротела большая квартира, осиротел Василий Иванович. Он никак не мог смириться с таким скоростижным уходом сестры, которая была ему и другом, поскольку ближе мамы и Вали у Василия Ивановича никого не было.

И уже без Валентины Ивановны Василий Иванович свято чтит память о своих женщинах: отмечает годовщины со дня ухода каждой из них в мир иной, а также установлены памятники, которые были выбраны по желанию Евы Александровны.

Василий Иванович. Познакомилась с ним ближе в последние годы. Не предполагала тогда, что он станет мне близким человеком, надёжным другом, как и покойная Валентина Ивановна, а ещё непревзойдённым помощником. Случилось так, что при переходе с руководящей должности рядовым сотрудником газеты «Пінскі веснік» возникли, как оказалось, непреодолимые проблемы с набором моих материалов. Проще говоря, те, кто должен был это делать исходя из своих профессиональных обязанностей, игнорировали меня. Со слезами рассказала об этом Валентине Ивановне. На следующий день она поспешила с предложением такого плана: если я согласна, то набор моих материалов будет делать Василий Иванович. И наша общая работа закипела. Я приносила от руки написанные тексты, Василий Иванович набирал их на компьютере. Со временем он перевёл мою первую книгу на белорусский язык, собрал под одну обложку материалы моей второй книги, создал архив моих газетных материалов, собранных мною рецептов, фото, помогал передавать по электронной почте опять же мои материалы в республиканскую прессу и по месту моей новой работы — в областную газету «Народная трыбуна».

Одним словом, настоящий друг познаётся в беде.

К слову, Василий Иванович был главным помощником и Валентины Ивановны в её литературной деятельности. Он был у неё секретарём-машинисткой и всё, что она писала от руки, а наше поколение пишущих людей писало и думало рукой, печатал сначала на пишущей машинке, потом на компьютере, который заменил машинку. Некоторые материалы диктовались сразу.

Валентина Локун. Это имя широко известно в научных литературных кругах республики. К ней за рецензиями обращались многие, зная, что это открывает им, авторам стихов, прозы, широкую дорогу в литературу. Жаль, что в Пинске, как оказалось, имя

В. Локун в окол властных кругах знали плохо (или не хотели знать?). Поэтому, когда после творческого вечера-памяти известной землячки я предложила в интервью TV «Пинск» присвоить имя Валентины Локун городской библиотеке, люди, стоящие у власти, но далекие от литературы, отвергли это предложение. Мол, город не знает её. А может, не город, а эти люди не знают? Моё предложение поддержало Брестское отделение Союза писателей Беларуси и тоже обратилось с предложением в Пинский горисполком. Увы, они тоже там не были услышаны.

А Василий Иванович скрупулёзно продолжает работать над архивом своей сестры. Привёл в порядок оставшиеся рукописи, передал в городской архив оригиналы её документов. Может, потомки будут более благодарными и со временем достойно увековечат память о талантливом литературоведе и критике Валентине Ивановне Локун.

Я довольно часто общаюсь с Василием Ивановичем, который стал мне и другом, и помощником, и даже «рецензентом» некоторых моих работ. Имея недюжинный поэтический талант, скромно замалчивает о своих стихах — злободневных и мастерски написанных. Кстати, книгу своих стихов он набрал и сделал сам. Его советы и замечания всегда по делу. И за это ему особая благодарность.

Заходя в просторную квартиру Локун, привычно бросаю взгляд на комнату Валентины Ивановны: кажется, вот-вот увижу её доброжелательно улыбающуюся и приветливо отвечающую на привычное «здравствуйте!». Увы-увы! Лишь три фото в комнате — мамы, тёти Нины, сестры Евы Александровны, и Валентины Ивановны, которые уже ушли в мир иной.

Память о них бережно хранит сын, племянник и брат Василий Иванович Локун. Пусть долгими будут его годы, потому что пока он жив, тропинка к их дому будет протоптанной.

г. Пинск, июнь 2019 года